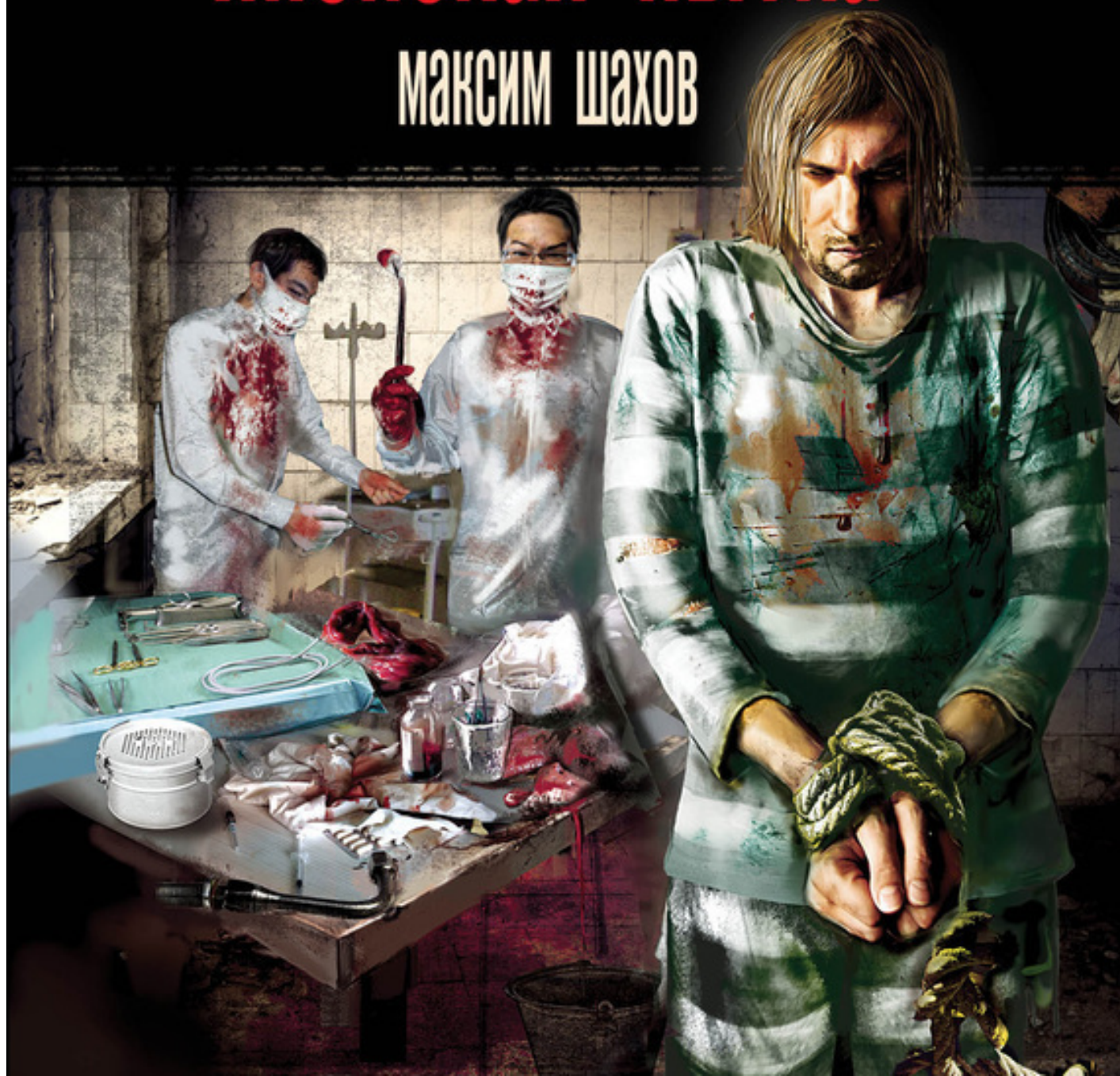

военный боевик

ПОБЕГ

ЯПОНСКАЯ ПЫТКА

МАКСИМ ШАХОВ

Максим Шахов

Японская пытка

«ЭКСМО»

2013

Шахов М. А.

Японская пытка / М. А. Шахов — «Эксмо», 2013

Харбин, 1944 год. В городе безраздельно хозяйничают японские военные, а с недавних пор на улицах орудует таинственный отряд 731, в результате регулярных рейдов которого бесследно исчезают местные жители. В один прекрасный день в руки бойцов отряда попадает Николай Галицкий – известный в среде эмигрантов доктор, бывший белогвардеец, прибывший в Харбин в годы Гражданской войны. Его привозят в секретную лабораторию и пытаются заставить провести несколько чудовищных медицинских экспериментов над живыми людьми. Галицкий понимает, что отказаться от работы нельзя – убьют. Но и становиться палачом он не собирается. Доктор приходит к выводу, что единственный приемлемый выход из сложившейся ситуации – совершить побег с японской фабрики смерти...

© Шахов М. А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Максим Шахов

Японская пытка

Глава 1

Несмотря на позднее время, на центральных улицах Харбина было достаточно светло, горели фонари, в свете которых золотой пылью вился поздний весенний снег. Желтели витрины ресторанов, светились окна в квартирах высоких, построенных в европейском духе жилых домов. И хотя Япония в это время воевала с Америкой, Великобританией и Австралией на Тихом океане, о светомаскировке здесь, в сердце марионеточной Маньчжоу-Го – Маньчжурской империи, созданной после оккупации этой части Китая Квантунской армией, особо не заботились. Единственный серьезный противник – СССР, хоть и располагался достаточно близко, но сейчас северному соседу было не до боевых действий с Японией, на западе он вел войну на выживание с гитлеровской Германией. Нападения со стороны Сталина можно было не опасаться.

Девятилетний мальчишка-китаец из бедного пригорода торопливо возвращался домой. День прошел удачно – уличный торговец рассыпными сигаретами распродал все, что у него имелось, на вырученные деньги купил пять пачек дешевых армейских сигарет, и у него осталось пять маньчжурских чиао и японская иена, достаточно, чтобы его семье прокормиться два дня. На плече на полотняном ремешке покачивался самодельный фанерный прилавок разносчика, обклеенный вырезанными из пачек названиями сигарет. Мальчишка-сирота был горд собой, он не только зарабатывал себе на жизнь, но и мог содержать приютившую его после смерти родителей от тифа тетушку с ее двумя маленькими дочками. Парнишка даже напевал себе под нос от радости – день прошел удачно.

Изредка по улице проезжали машины, большей частью военные грузовики, но иногда мимо проплывали и сверкающие лаком дорогие авто, принадлежавшие местным богатеям. Харбин за всю свою недолгую историю слыл городом богатым. Вот только война сильно подкосила его экономическую стабильность, отрезав от главного партнера по торговле – СССР. Практически бездействовала теперь и основная транспортная артерия КВЖД – Китайская военная железная дорога. Легковые машины мальчишка провожал восхищенным взглядом. Просторные, элегантные, почти бесшумные, они, казалось, не едут, а прячут над улицей. Еще никогда в жизни ему не приходилось даже толком заглянуть в салон одной из таких – лишь один раз, через стекло видел он, что там внутри, да и то подоспевший водитель тут же отогнал его. Зато парнишка знал практически все марки легковых машин, которые встречались в городе.

Сзади слышалось тихое шуршание протекторов. Мимо медленно проплыли сверкающие в свете фонарей стекла дверок. Автомобиль проехал чуть вперед и замер. Мальчишка даже чуть замедлил шаг, залюбовался, узнав «Шевроле» 1934 года выпуска. Поблескивали никелированные детали, на крыле виднелся треугольный желтый генеральский флажок, элегантно, как на гравюре, пересекались сделанные из рояльных струн спицы в колесных дисках, казалось, что еще немного – и они зазвучат неземной музыкой. Тихая музыка и зазвучала, когда открылась задняя дверца.

Пораженный мальчишка даже отступил на пару шагов, увидев вблизи настоящего японского генерала. Тот был холеный, еще нестарый.

– Подойди ко мне, – не то приказал, не то попросил он китайского мальчишку на местном диалекте, слова выговаривал вполне правильно, вот только с сильным акцентом.

Тот нерешительно шагнул к машине.

– Добрый вечер, ваше превосходительство, – проговорил он на родном языке, с перепуга забыв, что немного умеет изъясняться и по-японски.

– Знаешь, как к генералу следует обращаться, это хорошо, – похвалил японец и даже слегка улыбнулся. – Сигаретами торгуешь?

– Боюсь, что для вашего превосходительства у меня не найдется подходящих, – тут же ответил мальчишка. – Мои покупатели – люди бедные. Даже не могут себе позволить купить целую пачку, я по одной-две штуки им продаю.

– А я и не курю, – произнес генерал и замолчал, глядя на мальчика.

Водитель в форме вольнонаемного императорских вооруженных сил неподвижно сидел за рулем и ничего не выражающим взглядом смотрел перед собой.

– Подойди поближе, – наконец генерал вновь заговорил. – Не бойся, я врач, – он расстегнул шинель, под которой был надет белоснежный халат медика. – Военные тоже бывают докторами.

– Я знаю, – мальчишка нерешительно подошел в машине.

– Ближе, ближе.

Парнишка уже и так стоял вплотную, ближе подойти было невозможно.

– Тебя как зовут?

– Чан.

– Покажи-ка горло, Чан.

Мальчик послушно открыл рот. Генерал заглянул в горло, хмыкнул, после чего оттянул парнишке нижнее веко, покачал головой.

– А ведь ты болен, – проговорил он очень серьезно.

– Чем, ваше превосходительство? Я же хорошо себя чувствую. Не так, когда я ветрянкой заболел.

Генерал скороговоркой произнес длинное, мудреное название болезни, о которой мальчик слышал впервые.

– ...мама тебя давно доктору показывала?

– Я с тетушкой Лу живу, родители у меня умерли. Два года тому назад доктор к нам приходил, когда я ветрянкой заболел. Много ему пришлось заплатить. Тетушка даже злилась на меня за это.

Генерал взял мальчика за плечи, заглянул ему в глаза.

– У тебя очень серьезная и опасная болезнь. Если тебе не сделать сейчас укол, то через месяц можешь умереть.

Сирота хорошо знал, что такое смерть, у него на глазах из жизни ушли двое его родителей.

– Этот укол, наверное, дорого стоит? У нас нет таких денег, – ответил он. – Будет плохо, если тетушка и ее две дочурки останутся без меня. Кто их будет кормить?

– Медики императорской армии за лечение денег не берут. Садись, поехали со мной.

Искушение оказаться в «Шевроле» рядом с настоящим генералом было большим, но Чан многое повидал, добывая себе и родственникам на жизнь.

– Тетушка будет волноваться, – сказал он.

– Когда ты ей все расскажешь, она обрадуется. Мой шофер тебя прямо домой завезет. Поспеш.

Последний аргумент подействовал на парнишку, к тому же генерал уже подвинулся, давая ему место рядом с собой на заднем сиденье. Чан сел на скрипучее кожаное сиденье, спину держал прямо, словно боялся прислониться к спинке, фанерный раскладной прилавок поставил на колени. Он, как зачарованный, смотрел на подсвеченную панель радиоприемника, наполнявшего салон тихой музыкой. Мальчик и не думал, что радиоприемники могут быть

такими маленькими. Своего радиоприемника у них дома не было, иногда по праздникам они с тетушкой заходили к соседям, чтобы послушать радиоконцерт.

«Шевроле» плавно тронулся с места, покатыл по улице. Из салона знакомый с рождения город казался парнишке иным, более торжественным, величественным.

– Нравится машина? – спросил генерал.

– Она великолепная, – с замиранием проговорил пассажир. – На всю жизнь этот вечер запомню. А почему мы больницу проехали? Нам не туда?

– Нет.

– В армейский госпиталь едем?

– И он нам не нужен.

Генерал откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза, больше мальчик не рисковал его расспрашивать. Машина с желтым генеральским флажком выехала на шоссе. Водитель увеличил скорость. Теперь даже стало слышно, как встречный ветер срывается с выступов кузова, свистит, раскачивает автомобиль. За стеклами проплывала залитая лунным светом степь, местами еще белел снег. Мальчик осторожно протянул руку, отвел край тяжелой кожаной шторки. Оставшийся позади Харбин напоминал о себе лишь подсвеченными на горизонте облаками.

Впереди посреди степи показалась громада облицованного белой сверкающей плиткой здания. Рядом с ним было много и других строений, но они были приземистыми и темными. Из труб котельной валил дым, над градирней электростанции клубился пар. Зрелище было величественным и завораживающим. Чувствовалась в нем мощь человека, способного в безлюдном месте возвести такие грандиозные строения, победить холод и пронизывающие степные ветра.

Мальчишке вспомнилось, как его товарищи по уличной торговле не раз шепотом говорили, что километрах в двадцати к югу от города располагается секретное военное производство знаменитых фильтров для воды «системы Иссии». Конечно же, официально лаборатории, производственные корпуса назывались Базой управления по водоснабжению и профилактике Квантунской армии, а в секретных документах она уже расплывчато именовалась «Маньчжурским отрядом 731», к тому же фильтры для очистки воды являлись лишь небольшой частью производства. Но откуда простому разносчику сигарет было об этом знать? Об этом не догадывалось и большинство горожан. Также он не догадывался, что едет в машине с самим начальником «Отряда 731» генерал-лейтенантом медицинской службы Сиро Иссии, знаменитым изобретателем водяных фильтров для нужд армии. Эти фильтры были способны очистить до состояния питьевой воды даже человеческую мочу, что однажды их изобретатель и продемонстрировал публично перед корреспондентами ведущих японских газет.

Генерал открыл глаза. Машина подъезжала к контрольно-пропускному пункту. Несмотря на генеральский флажок часовой не сразу поднял шлагбаум, подошел и заглянул в машину, скользнул взглядом по Чану. Сиро Иссии кивнул, мол, со мной. Рука часового взметнулась к козырьку, шлагбаум взлетел, открывая дорогу «Шевроле».

– Сразу к блоку «ро», вход номер 3, – скомандовал водителю генерал.

Машина несколько раз сворачивала в лабиринте между корпусами. Порядок повсюду царил идеальный. Навстречу то и дело попадались сотрудники в белых халатах или же одетые в форму вольнонаемных японской армии. Мальчишка с интересом их рассматривал. А вот сами сотрудники передвигались так, словно проделывали свой путь в одиночестве, а все встречные являлись лишь безмолвными деревьями в лесу, которые следует обходить.

Машина замерла возле невысокого крыльца, рядом с ним находился покатым бетонный пандус, по которому были проложены неширокие рельсы для вагонеток.

– Приехали, выходи, – бесцветным голосом обратился генерал к своему малолетнему спутнику.

Оробевший мальчишка выбрался из машины. В воздухе почему-то сильно пахло тухлятиной, хотя было еще морозно. Часовой отрыл ключом высокую металлическую дверь, отодвинул засов. В глубь здания уходил ослепительно-белый, выложенный плиткой коридор.

Навстречу генералу уже спешил невысокий мужчина в белом халате.

– Ваше превосходительство... – начал он.

– Вот тебе и очередное «бревно», – сказал по-японски Сиро Иссии. – Так что заявки всех отделов мы удовлетворим. А заодно не придется платить жандармерии за поставку. Вот только почему я лично должен этим заниматься?

Чан кое-что из сказанного понял, во всяком случае, сообразил, что это именно его назвали очередным «бревном». Вот только почему? Разве люди – это бревна? У них есть имена, а у бревен имен не бывает. Наконец он решил, что чего-то недослышал, да и мало ли какие словечки могут иметься в обиходе у военных медиков. Называют же уличные торговцы покупателей «сусликами».

– Веди его в секционную, – распорядился генерал.

– Ваше превосходительство, – спохватился мальчишка, когда генерал повернулся, чтобы вернуться к машине. – А они знают, какой укол мне надо сделать? Вы же им не сказали.

Иссии на секунду растерялся, а затем улыбнулся:

– Молодец, напомнил, – он похлопал парнишку по плечу. – Делай, Чан, все, что тебе скажут, я потом приду.

Генерал склонился к уху коротышки в белом халате и что-то зашептал. Тот не отвечал, только кивал. Иссии исчез за железной дверью, скрежетнул замок.

Чан шел за коротышкой, тот даже не оборачивался, словно знал, что «бревно» покорно следует за ним. Он распахнул двустворчатую дверь. Если в коридоре было очень светло, то в просторном зале, облицованном белой кафельной плиткой, было просто ослепительно. На потолке сияли хирургические лампы. У стола неторопливо перебирали инструменты трое мужчин и одна женщина в марлевых повязках и белых халатах. Мальчишка покосился на металлические каталки, стоявшие у стены. Под простынями угадывались неподвижные человеческие тела.

– Не смотри на них, – спокойно посоветовал коротышка. – Их скоро увезут. Больница – это всегда смерть, – добавил он. – Раздевайся и иди в душ.

– Совсем раздеваться? – спросил мальчик, покосившись на женщину у операционного стола.

– Она тоже врач. Перед врачом можно, – напомнил коротышка и подвел Чана к двери душевой, из-за которой пахло теплым паром. – У нас тут, как в дорогой гостинице. Всегда есть в кране горячая вода, бери мыло, мочалку, полотенце на вешалке. Только поспеши.

Чан впервые оказался в душе с горячей водой. Он не сразу сумел отрегулировать воду до нужной температуры. Мыльная пена крутилась воронкой под ногами, исчезала в зарешеченном отверстии слива. Он бы плескался здесь долго, но помнил, что его попросили потопливаться. Да и страшновато было. Добрый генерал ушел, а эти люди могут и забыть, что ему нужно сделать укол от страшной болезни. Как же потом тетушка и двоюродные сестрички будут справляться без него? Он наскоро вытерся чистым полотенцем, и еще влажный вышел в зал. Руками мальчишка все же стыдливо прикрывал низ живота... Мокрый, он тут же почувствовал прохладу.

– Посиди пока здесь, – бросил ему коротышка, указав в угол.

Чан послушно присел на корточки, то и дело ерошил коротко стриженные волосы, смотрел на то, как женщина в белом халате натягивает своим коллегам резиновые перчатки на поднятые руки. Ему было страшновато, но в то же время и неловко из-за того, что столько серьезных людей собралось здесь ради него, он оторвал их от работы, наверняка от важных дел. Но все же его, Чана, привел сюда генерал, и они как люди военные должны слушаться.

– Иди сюда, – позвал коротышка. – Руки опусти. Повернись. Так, все нормально, – оглядел он Чана. – Ложись, – указал на стол.

– А укол – не очень больно? – спросил мальчик.

– Ты его не почувствуешь, – пообещал коротышка. – Ты будешь спать, пока мы его сделаем.

Он налил на марлю какую-то жидкость из прозрачной бутылки с латинской надписью. В воздухе резко запахло «больницей».

Мальчик лег на спину, лампа под потолком слепила, он щурился. Марля легла ему на лицо, защипало глаза.

– Раз, два, три... – долетал до его слуха голос коротышки.

Вскоре звуки доносились уже словно через вату, а потом и вовсе исчезли. Мальчишка провалился в забытие.

– Можно начинать, – произнес коротышка и зашелестел бумагами. – Заявка от второго отдела на печень и почки, от четвертого – на тонкий кишечник...

В секционном зале ярко горел свет. Хирург блеснул над марлевой повязкой узкими глазами, взял скальпель и твердой, уверенной рукой сделал на груди спящего парнишки разрез в виде латинской буквы «Y». Черточки развилки доходили до ключиц, вертикальная черта упиралась в низ живота. Разрез был сделан мастерски, лезвие развалило только кожу. Так мог работать человек, практикующий каждый день по несколько часов. Края кожи разошлись, обнажив желтоватую жировую ткань. Грудь спящего мальчика равномерно поднималась в такт дыханию. Еще несколько выверенных движений скальпелем – и брюшная полость оказалась вскрытой. Перламутрово переливался кишечник, было видно, как сокращается желудок.

Хирург работал четко, он извлекал внутренние органы, а те, даже отделенные от тела, еще продолжали жить своей жизнью. Пузырилась кровь, вздрагивали оболочки. Все педантично раскладывалось в бачки. Коротышка подкладывал под них заявки отделов. Сотрудники, для нужд которых предназначались «человеческие препараты», нетерпеливо ожидали в сторонке, чтобы незамедлительно доставить свежие органы в лаборатории. Никто из них не содрогался, наблюдая страшную картину. Похищенный в городе китайский мальчишка был для них всего лишь одним из «бревен», предназначенных для бесчеловечных экспериментов, проводимых в «Отряде 731».

Опустошив брюшную полость, медик большими хирургическими ножницами разрезал грудину и развел реберные пластины в стороны. Сердце еще билось. Ассистент деловито отсасывал набегавшую кровь вакуумным насосом. Хирург перерезал аорты, подхватил в ладонь еще сокращающееся сердце, несколько секунд держал его перед собой, словно любовался своей мастерски выполненной работой, затем осторожно положил на поднос из нержавеющей стали. Сердце продолжало сокращаться, выдувая из пересеченных аорт кровавые пузыри. Поднос с легким поклоном подхватила молодая женщина в белом халате и прорезиненных бахилах, торопливо унесла его. Ассистентка вытерла салфеткой пот со лба хирурга. Тот благодарно кивнул и снова взял скальпель. Теперь он склонился над головой мальчишки, уверенно сделал два надреза от ушей к носу, подцепил края кожи пинцетами и стянул ее, как чулок, обнажив череп в капельках крови, выступившей словно пот. Острые зубья мелкой пилы захрустели, врезаясь в кость черепной коробки. Было сделано три пропила. Треугольную «крышку» хирург подцепил кончиком пинцета и сбросил прямо на пропитавшуюся кровью простыню. Он запустил пальцы в отверстие, пошевелил ими и резким отточенным движением вынул подрагивающий, как студень, мозг, опустил его в стеклянный цилиндр, наполненный формалином. Опустошенное тело мальчишки перебросили на каталку, сверху положили его раскладной фанерный прилавок и скомканную одежду.

Ассистентка стянула с рук хирурга резиновые перчатки. Он вышел в коридор и закурил. Санитары, работавшие в секционном зале, покатали каталки с трупом парнишки и еще

с двумя, препарированными в течение дня, по гулкому облицованному белой плиткой коридору. Охрана открывала и закрывала стальные двери. Путь до крематория был проложен по подземному зданию так, чтобы не встречалось лишних людей. Вскоре медицинские каталки уже стояли возле ревущей огненной пасти топки. Трупы сжигали только по ночам, чтобы дым из трубы не навел местных жителей на ненужные мысли. Ведь официально озвучивалось лишь то, что в огромном комплексе «Отряда 731» располагаются лаборатории по усовершенствованию и производству водяных фильтров для нужд армии.

У печей крематория стояли не вольнонаемные работники императорских вооруженных сил, а те, кому посчастливилось из разряда подопытных «бревен» превратиться в обслуживающий персонал. Разными путями попадали в категорию «бревен». Были среди них и настоящие преступники, осужденные на смертную казнь, военнопленные, лица, подозреваемые в шпионаже в пользу враждебных Японии стран, а попадались и случайные люди. Как сегодняшней похищенный в городе мальчишка – уличный торговец сигаретами. Просто понадобились свежие органы абсолютно здорового молодого организма, а на бюрократические процедуры получения подходящего «бревна» времени не оставалось. Вот и постарался генерал для своего ведомства лично.

Выпотрошенное тело уличного торговца вместе с двумя другими погрузили на чугунную платформу. Двое китайцев с покрасневшими от жара лицами неторопливо обыскали карманы одежды, раскрыли фанерный складной прилавок, забрали деньги и сигареты. После чего втолкнули платформу по роликам в жерло топки. Какое-то время в ревущем огне еще угадывались темными пятнами мертвые тела. Но через полчаса они пропали в плотной стене огня. А к рассвету то, что раньше было людьми, полными надежд, забот, любви и тревог, уже превратилось в горку пепла, которая уместилась в жестяном ведре.

Глава 2

Николай Васильевич Галицкий был из тех людей, про которых можно сказать, что с ним уже случилось все, что только может случиться с настоящим мужчиной, кроме смерти, естественно. В свои сорок с небольшим лет он, сын столбового дворянина, уроженец Тульской губернии, успел окончить ускоренные курсы Императорской военной хирургической академии. За время учебы влюбиться в красавицу-актрису, стреляться из-за нее на дуэли. Получить чин поручика медицинской службы, полгода повоевать на австрийском фронте. А потом, когда большевики, захватившие власть в стране, распустили армию, объявив странный лозунг – ни мира, ни войны, началась катастрофа. Поручик Галицкий не понимал, как такое можно было допустить. Немцев с австрийцами следовало лишь удерживать на позициях. Их дожали бы страны Антанты, заставили бы капитулировать. Россия тоже оказалась бы среди стран-победительниц, могла бы рассчитывать на контрибуции, территориальные прибавки. До победы оставались считанные месяцы. Но нет, большевики открыли фронт, а немецкие, австрийские войска пошли в наступление, не встречая никакого сопротивления. Они захватывали железнодорожные станции и города, просто приезжая туда на одной-двух грузовых машинах с пулеметами. Телеграфировали в штаб, что населенный пункт занят, и двигались дальше.

Единственными частями, которые оказали им сопротивление, были дивизии Чехословацкого корпуса, сформированного из пленных и перебежчиков – чехов со словаками. Эти люди понимали, что австрийцы не простят им того, что они перешли на сторону противника, взяли оружие в руки, чтобы сражаться за независимость своей Родины от империи Габсбургов. Чехословацкий корпус, к которому поручик был прикомандирован в качестве военного медика, отходил в глубь страны, где уже хозяйничали большевики. После октябрьского переворота официально корпус считался подразделением французских вооруженных сил, и существовало соглашение с большевиками об отправке его во Францию. Но как ты туда попадешь через занятые немцами и австрийцами территории? Советы сначала не противились тому, чтобы чехословаки добрались в эшелонах до Дальнего Востока, а оттуда уже морем на французских кораблях вернулись в Европу. Но потом Троцкий передумал, решил разоружить корпус. Чехословаки подняли мятеж, не желая сдавать оружие. Чтобы продолжить движение по железной дороге на восток, им приходилось захватывать города по пути следования. В освобожденных от большевиков городах Галицкий насмотрелся ужасов, оставшихся после правления «красных». Они не просто пытали своих идеологических противников, да и тех, кого таковыми считали. Это было «изуверство». Прапорщику приходилось видеть и обследовать трупы, кожу с которых сдирали, когда люди были еще живы. Выколотые глаза, вспоротые животы беременных, отрезанные груди кормящих матерей. Людей обливали кипятком, нагретым битумом, маслом, зарывали заживо...

В Екатеринбурге, Чите, Хабаровске бывшие военные, студенты устремились в Добровольческую белую армию под знамена адмирала Колчака. Но было уже поздно. Впереди поручика ждало отступление, предательство чехословацким командованием Колчака и выдача его «красным» за разрешение продолжить путь. Галицкий покидал то, что осталось от прежней России, с остатками каппелевцев в знаменитом Ледовом походе, когда небольшими группами они преодолевали замерзший Байкал. Бескрайний ледовый простор, снег, метель, сбивающий с ног ветер... То и дело натыкались на замерзшие трупы своих товарищей.

И все же Галицкий вырвался из этого ада, помогло то, что он – медик, знал тайны человеческого организма, знал, что происходит при переохлаждении, умел сохранять тепло, беречь силы.

Тихой пристанью для поручика медицинской службы стал китайский Харбин. Этот город являлся осколком уже исчезнувшей Российской империи. Дома европейской архитектуры,

множество русских вывесок с «ерами» и «ятями». Рестораны, кафе, даже в кинотеатрах крутили фильмы с русскими титрами, на тумбах висели афиши популярных в прошлом певцов и артистов. Тут можно было выжить, зная и один лишь русский...

Галицкий справедливо решил, что испытаний и приключений на его жизнь выпало уже достаточно, пора и уюмониться. Он любил свою Родину, но понимал, что она исчезла безвозвратно. То, что сейчас творилось на ее земле, он представлял хорошо. Превенная Россия была для него чем-то вроде первой любви – вспомнить приятно, но вернуть уже невозможно. К тому же его профессия была востребована. Николай Васильевич стал практиковать как медик. В своей небольшой двухкомнатной квартире он принимал пациентов, делал несложные операции. Его клиентурой были в основном русские, другие европейцы. Дела пошли хорошо, вскоре он даже купил себе подержанный автомобиль «Форд». Врач, который может приехать к пациенту ночью на своей машине, внушает доверие. С этой же целью Галицкий быстро выучил английский язык, китайский. Немецкий и французский усвоил еще в молодости. Языки вообще давались ему легко. Ассистировал поручику в практике его боевой товарищ, с которым вместе они выбирались из России в Ледовом походе, – бывший корнет Иван Владимирович Дуров.

Бизнес Галицкого сильно подкосила японская оккупация Маньчжурии и создание марионеточной империи Маньчжоу-Го во главе с беспомощным последним императором Китая. После стычек Квантунской армии с советскими частями при Халхин-Голе многие европейцы покинули Харбин, поубавилось и русских. Те, кому позволяли деньги, перебрались в более тихие места. Не помогло даже то, что Галицкий освоил и японский язык. Китайцы с японцами предпочитали традиционную восточную медицину.

Денег никогда не бывает много, а тут их стало не хватать катастрофически. К тому же ассистент – бывший корнет Дуров пристрастился не только к выпивке, что было бы прощательно для русского, но еще умудрялся сочетать это с неумеренным курением опия. Иногда он под новолуние на несколько дней, не предупредив, исчезал из квартиры, пропадал в районах, где приличному европейцу показываться не стоит. Возвращался грязный, пахнущий характерным дымом, опухший, без копейки денег, приходилось кормить его за свой счет. Ничего уже в нем не напоминало бравого корнета. Такого ассистента давно следовало выгнать на улицу, но Галицкого сдерживали воспоминания. Ледовый поход, сдруживший их, из памяти было не выбросить.

Странно, но начало войны в Европе и нападение Германии на СССР сделало жизнь в Харбине спокойнее, все понимали, что, пока идет война на Западе, здесь, в Маньчжурии, военных действий ожидать не стоит. Галицкий, которому казалось, что он уже стал забывать о России, теперь по вечерам часами просиживал у радиоприемника, слушал сводки с западных фронтов. Перебирал советские, английские и американские радиостанции. К началу сорок четвертого года он уже не сомневался, на чьей стороне будет победа.

* * *

В тот самый вечер, когда из города исчез паренек – уличный торговец сигаретами, поручик Галицкий, как обычно, сидел у радиоприемника. Мягким зеленым светом горела шкала настройки. Указатель застыл на слове «Москва». Пока еще звучала симфоническая музыка, но минут через пять в эфире должна была прозвучать сводка Совинформбюро.

Во входную дверь постучали.

«Неужели Дуров решил объявиться?» – недовольно подумал Галицкий.

Ассистент отсутствовал уже третий день, но обычно такие отлучки длились по пять-шесть суток – время, за которое бывший корнет успевал спустить все свои сбережения в опийном притоне. Оставалась слабая надежда, что это срочный вызов к пациенту, а значит, и возможность заработать.

Галицкий открыл дверь. За порогом стояла соседка Маша – русская девушка, родившаяся уже тут, в Харбине. Ее отец, бывший каппелевский полковник, умер два года тому назад, а мать – певичка, когда дочери едва исполнилось пять лет, удрала в Японию с коммерсантом-проходимцем. На жизнь Маша зарабатывала тем, что делала дамские шляпки. Из-за спины девушки выглядывал нагловатый чумазый китайский мальчишка лет семи от роду.

– Что-то случилось, Маша? – участливо поинтересовался Галицкий. – Проходите.

– Случилось, – призналась соседка. – Иван Владимирович прислал, – протянула она записку. Вот с этим мальчиком, – кивнула она на чумазого.

– Дуров вам записку прислал? – удивился поручик.

Маша ему нравилась, хотя он и не делал ей знаков внимания, считая, что слишком стар для нее. А вот Дуров на женщин уже давно не поглядывал, все удовольствия в жизни ему заменили алкоголь и опиум.

– Я бы вас не беспокоила, но...

– Сейчас во всем разберусь, – пообещал Галицкий, пропуская соседку в квартиру, за ней вошел и чумазый. – Я могу прочесть записку? Она же вам адресована.

– Прочтите, пожалуйста. За тем и пришла.

Николай Васильевич принялся читать, с трудом разбирая неровный почерк своего ассистента. Писал он, находясь явно не в лучшем из возможных состояний. Буквы налезали одна на другую, то сжимались до размеров мошки, то становились большими, как жуки-скарабей. Бумага записки была шероховатой, коричневой, скорее всего оторванной от какой-нибудь упаковки.

– Святая Мария Францевна, – читал вслух поручик. – Мне сейчас действительно очень плохо, я болен. Не откажите, пришлите мне сто чиао. Отдам, как только выкарабкаюсь. Дуров.

– Я бы вас не беспокоила. Иван Владимирович всегда деньги отдает. Это для него святое. Не сразу, конечно, но отдает сполна. Но у меня сейчас денег нет. Ему, наверное, очень плохо. Вот мальчишку и прислал.

– Погодите, Маша, – поручик перешел на китайский. – Что с ним? – спросил он мальчишка.

– Как всегда, – пожал тот плечами. – Ну, и заболел, наверное, в придачу.

– Чем?

Чумазый только плечами пожал. Положение казалось серьезным, никогда раньше Дуров себе такого не позволял – пил и курил только на свои деньги. Перед уходом в этот раз попросил Галицкого дать ему аванс, а потому и не решился писать записку ему.

– Маша, ни о чем не беспокойтесь. Я пойду и скоро вернусь.

– Вы думаете, он...

– Я ничего не думаю, я просто хочу ему помочь. Все будет хорошо. Идите, ложитесь спать, а утром я вам все расскажу.

– Если не очень поздно будет, вы ко мне постучитесь. Я же волноваться стану. Вряд ли засну.

– Хорошо, хорошо...

Галицкий даже позволил себе слегка обнять Машу за плечи, когда вел ее к двери квартиры, но сделал это деликатно, по-отечески.

Только шагая по улице, он вспомнил, что забыл выключить радиоприемник.

«Ничего страшного, скоро вернусь», – подумал он.

Чумазый семенил впереди, поручик еле поспевал за ним. Казалось, что мальчуган не боится ничего в этой жизни, так уверенно двигался он по ночному Харбину. Район, куда вел провожатый, Галицкий знал хорошо, ему пару раз уже приходилось вытаскивать оттуда Дурова. Северная окраина славилась своими притонами для курильщиков опиума, проститутками и дешевым подпольным спиртным сомнительного качества.

Скоро европеизированные кварталы сменились стихийно возведенными халупами. Уличное освещение здесь отсутствовало. Под ногами чавкала грязь, через лужи приходилось перебираться по доскам.

– Здесь, – указал чумазый мальчуган на низкую дверь, ведущую в деревянный шалман, как сразу же окрестил для себя это заведение Галицкий.

– Держи, – протянул он провожатому заслуженную монету.

Довольный мальчуган тут же сунул ее, словно леденец, за щеку. Николай толкнул скрипучую дверь и оказался в просторном помещении, низко нависший потолок которого поддерживался деревянными столбами. На стенах и столбах светились несколько красных бумажных фонариков. От этого кроваво-красного света помещение напоминало преисподнюю. На матрасах, а кое-где и на двухъярусных нарах лежали любители опия.

Попыхивали трубки, едкий дым слоями заполнял пространство от пола до потолка. Слышалось, как кто-то в наркотическом бреду разговаривает с существами – плодом своей же фантазии, кто-то стонал, кто-то всхлипывал, но большинство лежали молча, как трупы. От железной печурки с кривой трубой, уходившей в стену, поднялась хозяйка притона – старая китаянка. Разглядев в Галицком европейца, сразу же поняла, к кому тот пришел, и подвела его к Дурову.

Тот лежал на мятом матраце, рядом с ним – давно погасшая трубка и пустая бутылка. Бывший корнет бредил, глаза хоть и были открыты, но закатились, отчего Иван казался мертвецом.

– Плохо ему, – проговорила хозяйка.

Николай приложил ладонь ко лбу приятеля, у того был сильный жар – от опиума такого не случается. Даже короткий осмотр дал возможность уверенно поставить диагноз – тиф.

– Давно это у него? – по-китайски поинтересовался Галицкий.

– Сегодня с утра началось. Подняться не мог. Он уже вечером моего племянника с запиской отправил.

Николай Васильевич примерно восстановил ход рассуждений Ивана. Он просил у Маши денег для того, чтобы добраться до больницы, скорее всего диагноз свой корнет знал.

– У нас в квартале многие заболели, – вставила хозяйка. – Говорят, это американские шпионы воду отравляют.

– Его надо скорее в больницу доставить, – произнес Николай.

Он понимал, что о заболевании, грозившем из-за скученности и антисанитарии перерастающей в эпидемию, нужно дать знать властям, чтобы те предприняли меры по ее локализации, но прежде всего стоило вытащить отсюда приятеля, чтобы он получил нормальное лечение. Хотя тиф – такая болезнь, что победить ее сложно, тут все зависит от организма – выдержит или нет.

– У меня еще двое таких лежат, – напомнила старуха.

– Скажите племяннику, чтобы нашел рикшу, я заплачу.

Старуха направилась к двери, но ее малолетний племянник сам вбежал вовнутрь, что-то затараторил так быстро, что Галицкий не мог разобрать слов. Чумазый был страшно напуган и показывал на оставшуюся открытой дверь. Николай выскочил на улицу. Там металась перепуганные местные жители. С перекрестков бил яркий свет автомобильных фар. Мимо него пробежали две полуодетые проститутки, за ними переваливался успевший натянуть брюки толстяк и кричал им по-русски, напоминая, что они получили от него деньги, но работы своей до конца не довели.

– Солдаты! – слышалось со всех сторон.

– Буди курильщиков, выгоняй их на улицу! – кричала старуха племяннику. – А я опий спрячу.

Николай понял, что искать для него рикшу никто уже не будет, бросился по улице навстречу бегущим – к слепящим фарам грузовика. Дорогу ему преградила цепочка японских

солдат с карабинами в руках. Их лица прикрывали марлевые повязки, на ногах были прорезиненные бахилы.

– Назад! – предупредил поручика солдат и навел ствол на него.

Как человек военный Галицкий понимал, что с солдатами спорить бесполезно, как и просить их, они просто выполняют полученный приказ, все остальное проходит мимо их ушей. Он приподнял руки, выказывая желание подчиниться, и сделал несколько шагов назад. Еще пару раз он пытался вырваться за оцепления, но тщетно. Квартал плотно взяли в кольцо. Когда первая паника улеглась и люди уже смирились, что им отсюда не выйти, по улице группками двинулись военнотружующие. Они заставляли выносить больных и класть их на землю, выгоняли людей из домов, выстраивали вдоль стен. Ничего не объясняли.

Застигнутому врасплох Николаю пришлось стоять рядом с двумя проститутками и толстяком. Мужчина, тоже оказавшийся русским, уже не требовал от жриц любви докончить оплаченную работу, он причитал, что не сможет сегодня вернуться к своей семье, а у него жена и двое маленьких детей. А еще ему надо завтра до вечера непременно быть в Сяньцзине с деньгами, иначе сорвется поставка крупной партии муки для его магазинчика.

Следом за военными в квартал вошли вольнонаемные. Они тоже носили марлевые повязки и бахилы. За спиной у каждого был баллон, соединенный с ручным насосом. Они методично поливали белесым раствором стены, больных и здоровых людей, заходили внутрь домов. На вопросы не реагировали, будто и не слышали их. Когда же кто-нибудь из жителей становился слишком навязчивым, тут же появлялся солдат с карабином.

– Что они делают? – спросил толстяк, когда и его опрыскали из насоса, даже заставили поднимать ноги, чтобы опрыскать и ступни.

– Дезинфицируют, – ответил Галицкий.

– А почему?

– Как я понимаю, в квартале вспышка тифа.

– Тиф? – ужаснулся коммерсант. – Это же страшная болезнь.

– Страшная, – согласился поручик.

Проститутки тоже перешептывались, но очень тихо. Они пытались заигрывать с вольнонаемным, который брызгал на них из насоса, но тот оставался непроницаемым, только глаза поблескивали над повязкой.

Наконец появился и офицер, в руке он держал жестяной рупор. Разговоры между жителями тут же стихли, все ждали объяснения своей дальнейшей судьбы.

– Мы заберем сейчас больных и отвезем их в больницу, – крикнул в рупор офицер. – Всем оставаться на местах и беспрекословно выполнять распоряжения военных.

Больше никаких объяснений не прозвучало. Заурчали моторы. С двух концов улицы медленно двинулись грузовые машины с затянутыми брезентом кузовами. Они останавливались возле домов, вольнонаемные забрасывали в них больных, бросали, особо не церемонясь. Когда Николай увидел, как возле притона поднимают с земли бесчувственного Дурова, он рванулся к нему, но был тут же остановлен направленным на него стволом карабина.

– Они же сказали, что повезут в больницу, – попытался обнадежить его толстяк.

– Надеюсь, – произнес, скрежетнув зубами Николай, он, боевой офицер, чувствовал свою полную беспомощность, он уже не принадлежал самому себе, все за него решали эти узкоглазые япошки.

Забрав больных, машины растворились во тьме городской окраины. Следом на улицу выкатилась машина с цистерной. Двое вольнонаемных несли идущий от нее толстый резиновый шланг.

– Раздеться, – прозвучала команда, подкрепленная наведенными на людей стволами карабинов.

Заставляли раздеваться всех там, где кто стоял, мужчин и женщин. Одежду сбрасывали в мешок. Затем давали разрезанное на маленькие кусочки плохо пахнущее мыло и поливали людей из шланга, вода была не просто теплая, а горячая. Проститутки, стоявшие рядом с Николаем, почему-то сильно стеснялись своей наготы, мылись, повернувшись к мужчинам спиной. После помывки всем выдали просторную черную одежду, в которой обычно ходят китайские крестьяне.

Толстяк пытался достучаться до сознания японских военных, требовал, чтобы его пустили отыскать его пиджак в соседнем доме, напоминал, что у него дорогой костюм, а в кармане лежит кошелек с деньгами.

Но он приумолк, когда увидел, как мешок с собранной одеждой обливают керосином и поджигают посреди улицы.

– Черт, что же это такое? – бурчал он, одеваясь в китайский балахон и натягивая просторные штаны из самой дешевой материи.

– Думаю, нам сейчас объяснят, что у них на уме, – предположил Галицкий.

Но никто не посчитал нужным давать объяснения. И вообще чувствовалось, что японские военные относятся к китайцам и немногочисленным европейцам как к безмолвному скоту, которому нужен пастух, и не больше.

– Всем зайти в помещения. Не покидать дома. На улицу выходить только по нужде. Вас обеспечат всем необходимым.

Людей под угрозой применения оружия загоняли в дома, причем военных не интересовало, где кто живет. Загоняли туда, где застали на улице – в ближайшую дверь. Так Галицкий, толстяк и две проститутки оказались в чужом доме. Тот был небольшим – две комнатки и отгороженная занавеской кухонька. На плите стояла кастрюлька с подгоревшей кашей, угли под ней еще не успели погаснуть окончательно.

– И как долго нас здесь собираются держать? – не выдержал толстяк.

– Вопрос не ко мне, – ответил Николай, осматриваясь. – Я бы вас отпустил по домам хоть сейчас вместе с собой.

Найдя ящик с углем, он подбросил совком в очаг, раздул пламя. Погода еще стояла холодная. В доме отвратительно пахло дезинфицирующим раствором. Проститутки сели рядышком на низкую скамеечку и молча следили за тем, что делают мужчины.

– Меня Петром Порфирьевичем зовут, – представился толстяк. – Фамилия моя Бекасов. Не слышали?

– Нет. Харбин город большой. Рад был бы познакомиться при других обстоятельствах, – и Николай тоже назвался.

Протянутая для знакомства рука толстяка повисла в воздухе.

– Извините, господин Бекасов, но в сложившейся ситуации лучше избегать контактов. Тиф как-никак. Говорю вам это как медик.

– Я уж подумал, вы мной брезгуете.

Бекасов выглянул в окно. Военные разносили и ставили перед домами картонные коробки, судя по иероглифам, это были солдатские пайки. Затем поехала машина с цистерной, останавливалась у каждого дома, невольные пленники выходили с ведрами, наполняли их.

– Ищите ведра, тазы, берите все, куда можно налить воду. Чем больше ее у нас будет, тем лучше, – обратился Галицкий и к толстяку, и к проституткам.

После раздачи воды военные о пленниках словно забыли. Но через окно было видно, как в конце улицы время от времени вспыхивают ручные фонари. Значит, оцепление не сняли.

– И сколько же нам здесь сидеть придется? – не устал задаваться одним и тем же вопросом толстяк.

– Несколько дней посидеть здесь придется, – уверенно заявил Николай. – Они выждут, когда кончится инкубационный период болезни, и тогда здоровых смогут отпустить. Действуют они не слишком гуманно, но с медицинской точки зрения вполне грамотно.

– Придется обжиться. Думаю, хозяева не будут на нас в обиде, – проговорил Бекасов и принялся рыться в шкафах. – Ого! – обрадовался он. – Да тут неплохие запасы.

Он продемонстрировал находку, пять бутылок рисовой водки, спрятанной под газетами. Лицо Бекасова приняло мечтательное выражение. Глазами он уже искал рюмки, затем зашептал Галицкому:

– Не такой уж плохой расклад получается. Дамы у нас с вами есть, спиртное тоже. Харчи нам доставили. Неплохо проведем время. Предлагаю бросить жребий, кому какая комната достанется. Проходную занимать, понимаю, никому из нас не хочется, но пусть решит жребий.

– Вы собираетесь использовать их... – Николай слегка замялся, ища более приличное слово. – Использовать по назначению? – он покосился на проституток.

– Почему бы и нет? К тому же я им уже заплатил, а они банально не успели, – Бекасов сально подмигнул поручику. – Я, конечно, человек семейный, но иногда себе позволяю.

– Оставим в стороне вопросы морали, – предложил Николай. – Но я хочу удержать вас от безумства. Обо всех телесных контактах следует на время забыть. А что, если одна из девушек больна? Или вы больны? Или я?

– Так мы чувствуем себя нормально, – возразил Бекасов.

– Забываете об инкубационном периоде болезни. Ее возбудители могут уже находиться в организме, но еще не приступили к своей разрушительной работе, плодятся. Возбудители тифа могут оказаться повсюду. Мы же не знаем, что случилось с хозяевами дома.

– Верно говорите. Я и не подумал об этом. Что же нам теперь делать? – испугался толстяк.

– Действовать, а не думать о развлечениях.

Николай говорил так уверенно, что к его решению прислушались даже китайские проститутки. К тому же врачам люди склонны доверять. На горящих углях уже стояло полное ведро воды.

– Пить только кипяченую, – давал указания Галицкий и поставил к ведру четыре кружки. – Каждый должен пользоваться исключительно своей посудой. Воду не черпать, а наливать из ведра. Водку использовать исключительно для дезинфекции.

– Думаю, можно и немного продезинфицировать себя изнутри, – вставил Бекасов.

– Резонно, но, прежде чем проглотить, хорошенько прополощите спиртным ротовую полость...

Вскоре обнаружилось, что пол дощатого туалета во дворе на несколько пальцев в высоту густо, как снегом, засыпан хлоркой. Николай позаимствовал оттуда несколько пригоршней порошка. Уже далеко за полночь под его руководством проститутки мыли стены и пол в хибаре хлорным раствором. В нем же замочили и простыни, на которых предстояло спать. Бекасов громко чихал от едкого запаха. Спать улеглись, когда уже рассвело, ждали, пока хоть немного просохнет над огнем белье. Есть не хотелось, в горле першило от хлорки. Мужчины лишь выкурили по сигарете из хозяйских запасов. Дом сиял стерильной чистотой, какой наверняка тут не было со дня его постройки.

Глава 3

Спали весь день. Поэтому завтрак превратился в ужин. Прежде чем делить пищу, Галицкий тщательно протер руки водкой. На улице слышалось движение. Бекасов выглянул в окно.

– Ходят, – только и сказал он.

У двери соседнего дома стояли капитан медицинской службы и лейтенант из оцепления с двумя вооруженными солдатами. Двое китайцев пытались вынести на улицу заболевшую женщину. Слов не было слышно, но было понятно, что мужчины умоляют избавить их от опасного соседства. Капитан оставался неумолим. Солдаты заставили унести больную в дом.

Вскоре делегация объявилась и в халупе, где вынужденно обитали Галицкий, Бекасов и две проститутки. Капитан тут же потянул носом, учуяв запах хлорки, прошелся взглядом по вылизанной до стерильности обстановке. На вопросы не отвечал, лишь провел беглый осмотр пленников, заставлял открывать рты, показывать животы. Затем удовлетворенно хмыкнул и покинул дом. Галицкий успел услышать часть разговора японских офицеров. Капитан хвалил лейтенанта за проделанную работу. Мол, очаг заболевания был грамотно и надежно изолирован от остального города. В его словах чувствовалась какая-то недосказанность. Капитан говорил про борьбу со вспышкой тифа как об учениях, словно заранее знал, где эта вспышка произойдет.

Своими предположениями он поделился с Бекасовым во время ужина, говорили между собой, разумеется, по-русски.

– Думаете, что они специально заразили людей тифом? – изумился коммерсант. – Зачем им это надо?

– Я слышал, как капитан презрительно отзывался о жителях квартала. Мол, если даже умрут любители опия и торговцы им, всякие проститутки, для империи будет только польза. Кстати, и русских они не любят, считают всех нас советскими шпионами. Думаю, и версию о том, что вспышку тифа спровоцировали шпионы, запустили именно японские военные.

– Смысл? – коротко поинтересовался коммерсант.

– Оправдать свое существование. Квантунской армии в последние годы японское правительство уделяет очень мало внимания, основной упор сделан на флот и авиацию.

– Вы интересуетесь политикой, а вот я стараюсь держаться от нее подальше, – вздохнул Бекасов.

– Вы не будете интересоваться политикой, тогда она заинтересуется вами, – пошутил поручик.

– Послушайте, – после некоторого молчания произнес Бекасов. – Насколько я понимаю, мы все здоровы. Подцепить заразу я мог только от одной из девиц легкого поведения, а они вон как наворачивают наши харчи.

– Я тоже так думаю и улавливаю ход вашей мысли, господин Бекасов. Сам хотел предложить, но не знал, как вы отнесетесь к предложению. Япошки никаких списков не составляли, документы у нас не проверяли. Поэтому, чем сидеть здесь неизвестно сколько, стоит попробовать убежать.

– Вы считаете? – потер переносицу Бекасов.

– А что мы теряем?

– А что находим?

– У меня нехорошее предчувствие, – признался Галицкий, – а оно меня никогда не подводило. Вспомните, как они хладнокровно заставили наших соседей-китайцев занести больную женщину обратно в дом. Русских японцы любят еще меньше.

– Вы правы, – согласился Бекасов. – При малейшем подозрении на болезнь они с нами церемониться не станут.

Посоветовавшись, мужчины предложили бежать и проституткам. Однако те отказались почти сразу же. У них и так были нелады с местной полицией и жандармерией Квантунской армии. К тому же они жили в этом квартале, отыскать их не составило бы труда. Поэтому рисковать они и не хотели.

– Куда бежать? Наш дом здесь, – прозвучало в ответ.

Собирать что-либо в дорогу было бессмысленно. Они в Харбине. У Бекасова и у Николая свои квартиры в городе, до которых и пешком меньше чем за час можно добраться.

Далеко за полночь присели на дорожку, попрощались с проститутками и выскользнули на улицу. Густая ночь висела над неприглядной окраиной, редкие звезды просматривались сквозь облака в темном небе. Оцепленный квартал полнился тихими звуками. Кто-то в соседней хибаре с тонкими стенами не то бредил, не то молился. В кустах мяукали и шипели коты. Пробежала бродячая собака.

– Пошли, – прошептал Галицкий.

Они прошмыгнули мимо туалета, в изгороди отыскалась калитка, ведущая на подворье соседнего дома. Побег казался легким и безопасным. Улица просматривалась в обоих направлениях. На дальнем перекрестке виднелся солдат с ружьем. Он стоял, прислонившись спиной к столбу, свесил голову на грудь.

– Дремлет, – усмехнулся Бекасов.

– Ни черта у них дисциплины в армии нет, – не удержался от комментария Николай. – Двинем аккуратно.

Бекасов первым приоткрыл калитку, выбрался на улицу, хотя пространство было открытым, он пригнулся. Николай подался следом за ним. И тут от темной стены дома отделился силуэт, послышался гортанный окрик. Бекасов, даже не оборачиваясь, рванул бегом по улице.

«Куда?!» – хотелось крикнуть Галицкому.

Бежать вдоль улицы было безумием. Солдат вскинул карабин, хлопнул выстрел. Бекасов на бегу раскинул руки, упал лицом в лужу и больше уже не поднялся.

Николай бросился на солдата, сбил его с ног, кричал, что надо было стрелять в воздух. Опомнился он, когда с двух сторон улицы к нему уже бежали военнослужащие из оцепления. Галицкий метнулся к стене дома напротив, рванул дверь, та оказалась заперта. Он не успел добежать до угла, над головой просвистела пуля, за ней вторая. Если бы не пригнулся, разнесла бы голову. Николай в два прыжка преодолел улицу, успел-таки броситься в спасительную темноту. По памяти, почти на ощупь, отыскал ту самую калитку, через которую парой минут раньше пробирался вместе с Бекасовым.

Через пять секунд он уже был в доме, цыкнул на испугавшихся проститутку, сбросил китайскую хламиду, сунул ее под простыню и тут же в одних штанах вышел на улицу, изображая на лице сонную озабоченность. Солдаты светили фонариком в соседнем дворе. Луч света ударил в его сторону, облил по пояс. Николай замер, дал себя рассмотреть. Ему махнули рукой, чтобы возвращался в дом. Галицкий вздохнул. Возможно, его спасло то, что для представителей желтой расы почти все европейцы на одно лицо. Возможно, никто и не собирался искать неудачливого беглеца. К тому же сбитый им солдат видел его всего лишь несколько секунд. Так или иначе, Николая больше никто не потревожил до самого утра.

Еще два дня провел он в оцепленном квартале. На третий вечер на улицах вновь появились военные в марлевых повязках, они выгоняли из домов тех, кто остался здоров. Таких набралось немного, пятнадцать человек. Каждого из них придирчиво осмотрел тот самый капитан медицинской службы. На этот раз он даже позволял себе кое о чем спрашивать.

– Как самочувствие? – интересовался он на скверном китайском. – Жара не чувствуете? Голова не болит?

Наконец, убедившись, что все отобранные им люди здоровы, он приказал построиться им в общую шеренгу. Пару раз прошелся перед строем молча, затем стал говорить, глядя себе под ноги, словно бы обращался к кому-то невидимому.

– Нам пришлось продержать вас в изоляции из-за вспышки тифа, которую устроили в Харбине подлые шпионы. Вам удалось не заразиться благодаря свойствам вашего организма. Поэтому ради процветания Маньчжоу-Го и Великой Японии вы должны пройти обследование в отделении военного госпиталя. Там наши медики выявят причину вашей устойчивости к заболеванию, чтобы потом использовать полученные знания для выздоровления других больных. Это займет немного времени. Впоследствии всех вас распустят по домам и даже заплатят.

Капитан вскинул руку, предупреждая, что на вопросы отвечать не намерен, он и так слишком много своего драгоценного времени уделил счастливым. На улицу въехала крытая брезентом военная машина. С пассажирского сиденья выбрался коротышка в форме вольнонаемного японской армии. Но по той почтительности, с которой обращался к нему капитан, было понятно, что тот занимает должность повыше, хоть и не носит погоны.

Водитель откинул задний борт, поднял тент. Солдаты выстроились коридором и стали подгонять людей, чтобы забирались в кузов. Пока Николай подсаживал проститутку, ему удалось услышать обрывок разговора капитана с вольнонаемным коротышкой. Говорили они о каких-то «бревнах», которые теперь можно будет «пустить в дело». Но он не придал этому значения...

Кузов машины оказался странным. Если снаружи он выглядел, как обычный брезентовый тент на дугах, то под ним оказался спрятан металлический кунг без окон. По полу проходили трубы для обогрева выхлопными газами. Ни лавок для сидения, ни матрасов, ни даже соломы. Дверца кунга с грохотом захлопнулась, внутри наступила полная темнота, такая густая, что ее, казалось, можно резать пластами. Люди тут же испуганно притихли, машина тронулась с места.

Николай пытался представить, куда их везут. Пока ехали по городу – скорость небольшая, часто сворачивали. Галицкий считал повороты.

– Влево, вправо, потом снова вправо... – поначалу еще удавалось угадать, на какую улицу сворачивают.

Минут через пять он все же сбился, потерял ориентацию. Одно знал точно, что они где-то в центре. Машину почти не трясло, дорожное покрытие твердое, хорошее. Звук автомобильного двигателя изменился, стал натужным, машина шла на подъем, затем вокруг кунга засвистел ветер, захлопал брезент. Галицкий различил характерное гудение стальных ферм моста.

– Реку переезжаем, – догадался он.

В Харбине имелся только один большой автомобильный мост. Мысль работала быстро.

«Реку до этого мы не переезжали, значит...»

Автомобиль остановился, было слышно, как открывают ворота. Машина поползла медленно-медленно и стала осторожно разворачиваться, сдала задом.

«Значит, территория ограниченная. Внутренний двор...»

Грузовик несильно ткнулся во что-то и замер. Дверца кунга открылась. Машина стояла, плотно прижавшись к стене, так что разглядеть, куда приехали, было невозможно. Впереди виднелся бетонный пандус, слабо освещенный электричеством, он уходил вниз.

– Всем выходить. По одному, – распорядился жандарм с шестигранной деревянной дубинкой в руках. – Пошевеливайтесь.

Люди поднимались. Николай первым спрыгнул, стал помогать спускаться женщинам, за что тут же получил несильный удар дубинкой между лопаток.

– Пошел, пошел... Сами справятся.

За бетонным пандусом и коридором оказался большой бетонный бункер без окон. Под потолком имелись лишь вентиляционные отверстия, прикрытые стальными решетками. Вдоль стен шли узкие скамейки. Из другой мебели имелся и письменный стол, за которым восседал

еще один жандарм. Вряд ли он собирался составлять какие-то бумаги. Столешница была бы девственно чиста, если бы на ней не лежала деревянная дубинка с толстым кожаным ремешком на рукояти.

Было понятно, что долго здесь их не задержат. Это помещение являлось чем-то вроде накопителя, тут, кроме тех, кому удалось пережить вспышку тифа, уже находилось человек пять в штатском. Их скорее всего взяли прямо в городе. Об этом говорила одежда и недоумение на лицах. Жандарм сидел с каменным лицом, никто не рисковал обращаться к нему за разъяснениями.

Николай присел на лавку возле знакомых проституток. По его прикидкам, они могли оказаться лишь в одном месте – в подвалах японского консульства в Харбине. Так что мысль о попытке давить на то, что он подданный Маньчжоу-Го, а потому японские военные удерживают его незаконно, можно было забыть окончательно. Вся площадь консульства считалась японской территорией. Да и с марионеточной Маньчжурской империей японцы практически не считались. Квантунские вояки вели себя здесь куда развязнее, чем у себя на островах.

Некстати вспомнилось невыключенное дома радио. Дубликат ключей от квартиры имелся и у соседки Маши, но вряд ли она решилась бы ими воспользоваться.

«А сейчас, наверное, как раз сводку Совинформбюро передают», – подумалось Галицкому.

Глава 4

Стоящие в чистом поле за двадцать километров от Харбина корпуса «Отряда 731» продувал вечерний ветер. Но здания были сработаны на совесть, строили их в расчете на долгие годы эксплуатации, а потому внутри было тепло. Правда, не сказать, что уютно.

Коротышка Ихара держал в руках высокий стеклянный цилиндр, внутри которого металась упитанная серая крыса. Зверек позванивал коготками по дну, то и дело становился на задние лапки и тянул вверх мордочку, скалил острые зубы, но никак не мог дотянуться до пухлых пальцев вольнонаемного медика. Длинный голый крысиный хвост розового цвета, казалось, был покрыт рыбьей чешуей. Крыса словно чуяла недоброе.

– А еще говорят, что крысы тупые, – обращался Ихара к мужчине в белом халате, который ковырялся паяльником в пульте странного агрегата, напоминающего барокамеру для водолазов.

Огромный стальной цилиндр с несколько выпуклыми торцами высился на мощном бетонном постаменте.

– Кто так говорит, ничего в этом не понимает, господин Ихара, – поддержал начальника оператор барокамеры. – У нас как-то раз крыса сбежала. Уйти отсюда она не могла. Ну, сами же конструкцию наших порогов знаете.

– Да, конструкция хитрая, – согласился медик.

– Так она целый месяц умудрялась прятаться в четырех стенах. Где сидела, я до сих пор понять не могу. Только в ловушку и попалась. Я бамбуковую трубку положил и вареными бобами ее внутри намазал. Попалась.

– Не прогрызла бамбук? – удивился Ихара.

– Я с другой стороны гвоздики вбил. Пробовала грызть, всю морду себе исколола, тварь. Они, крысы, лучше людей беду чувствуют, вон, как мечется, господин Ихара.

– Мечется, – иронично вздохнул медик, разглядывая через толстое стекло крысу. – А вот ты никак не можешь поломку исправить. Барокамера должна к завтрашнему дню работать как часы. Иначе наш отдел опозорится. Что его превосходительство генерал Сиро Иссии скажет, когда узнает, что дорогостоящее оборудование, которого и на флоте не хватает, сломалось?

– Сейчас все исправлю. Это же техника. Человек, и тот иногда ломается, – из-под паяльника полетели искры, работник испуганно отпрянул, а затем улыбнулся. – Теперь понятно, в чем дело. Фазу на ноль пробило. Вот и сгорел предохранитель. Сейчас заменю. Работы на минуту.

Перегоревший предохранитель полетел в урну для бумаг, новый лег в гнездо. Ловко перебирая пальцами, оператор закрутил барашки с резьбой на распределительном щитке. На пульте загорелась красная индикаторная лампочка. Повернулся переключатель. Коротко загудел и был отключен воздушный насос.

– Готово, господин Ихара.

– Лучше будет, если ты завтра сам пару фраз нашему гостю скажешь.

– Он же японского все равно не понимает.

– Переводчик будет. Итак, чем лаборатория занимается?

– Исследует воздействие разреженной атмосферы на организм летчика, – бодро доложил работник в белом халате.

– Для каких нужд?

– Для нужд морской авиации.

– Правильно. Говори уверенно и четко, чтобы гость не подумал, будто ты какая-то деревенщина.

Оператор обиженно поджал губы, а потом все же решился произнести:

– Господин Ихара, я, конечно, не в большом городе родился, как вы, но я не только земляк, но и дальний родственник его превосходительства Сиро Иссии. Это ко многому обязывает.

Тут оператор барокамеры говорил чистую правду. Генерал Сиро Иссии старался набирать охрану и сотрудников из своих земляков. Ну, а поскольку сам он родился в провинции в поселке Сибаяма, уезда Самбу, префектуры Тиба, то и выбор был не слишком велик, и образование земляков оставляло желать лучшего. Большинство охранников тюремных помещений являлись дальними родственниками и породненными с тремя братьями Сиро Иссии – Торао, Такэо и Мицуо, последние занимали ответственные должности в «Отряде 731». Генерал-лейтенант поступал так, чтобы поменьше информации из его секретного учреждения просачивалось наружу. В основном к нему на службу попадали вторые и третьи сыновья из крестьянских семей. По японской традиции, после смерти отца весь земельный участок переходил в собственность старшему сыну, младшим же приходилось искать счастья на стороне. Но хорошее образование и талант родственными связями не заменишь, вот и приходилось приглашать специалистов с университетским образованием, таких, как коротышку Ихара, окончившего медицинский факультет Императорского университета в Киото, а потом и преподававшего в Харбинском медицинском институте.

Ихара постарался на время забыть социальную пропасть, отделявшую его от оператора. Все эти условности имели место быть за стенами «Отряда 731», на службе они если и действовали, то не так, как хотелось бы Ихара. Он забрался внутрь барокамеры через люк, поставил цилиндр с упитанной крысой на табурет. Зверек уже подпрыгивал, чуть не выскакивал наружу, даже шипел.

– Хорошо видно? – поинтересовался Ихара у оператора.

– Отлично. Можете выходить.

Вот это «можете выходить» прозвучало двусмысленно. Ихара содрогнулся, ему показалось, будто оператор намекает на то, что он может остаться внутри, люк будет закрыт, а отсасывающий воздушный насос включен. Коротышка выбрался наружу, сам закрыл за собой люк, повернул массивные рукоятки.

– Включай отсос!

Вновь загудел компрессор. Ихара наблюдал за происходящим внутри барокамеры через толстое стекло иллюминатора. Оператор, сверяясь с показаниями манометра, докладывал о падении давления внутри камеры. Процесс имитации подъема самолета в верхние слои атмосферы шел по графику. Крыса сначала металась по цилиндру. Затем стала терять силы. Ее и без того упитанное тело стало раздуваться, вскоре лапки уже не могли коснуться стеклянного дна. Ихара удовлетворенно кивал. Вскоре крыса раздулась настолько, что уже не могла пошевелиться в цилиндре, она касалась боками всей стенки по периметру. Было видно, как шерстка прижимается к стеклу.

Грызун взорвался неожиданно даже для самого исследователя жутковатого процесса. Кровавые брызги ударили вверх, кусочки плоти прилипли к иллюминатору.

– Зафиксируй в журнале критический уровень давления в камере, – распорядился Ихару и приберись там. – Сравним с завтрашним. И чтобы все прошло гладко, гость у нас будет. Важный гость.

Сказав это, Ихару заспешил в виварий. В «Отряде 731» перейти в другие помещения можно было только подземными переходами. Их планировка позволяла лишний раз не пересекаться сотрудникам разных лабораторий. Чем меньше контактов на службе, не связанных с работой, тем лучше – меньше возможность утечки информации. Ихару возглавлял лабораторию, работающую в настоящее время над проблемами выживания в экстремальных обстоятельствах. Точного определения экстремальным обстоятельствам при этом не существовало. К ним можно было отнести высокие и низкие температуры, отсутствие еды или воды, сна,

болезни, отравления, недостаток кислорода. Короче говоря, все, что в конечном результате способно привести к смерти живого организма.

Коротышка протопал по узкому бетонному коридору, поднялся по пандусу в виварий. Ступеньки в «отряде» архитекторы предусмотрели лишь в нескольких местах, где от них нельзя было отказаться, все остальные спуски и подъемы были сделаны в виде наклонных плоскостей, чтобы их могли преодолеть каталки, тележки и рельсовые вагонетки.

Посередине светлого помещения высился огромный куб из листового толстого стекла, за ним копошилась уйма крыс. Грызунов было так много, что они не умещались в один слой, постоянно карабкались друг другу на спины, чтобы оказаться поближе к согревающим лампам. Заведующий виварием любовно смотрел на своих зубастых питомцев, постукивал ногтем по стеклу, привлекая их внимание, разговаривал с ними. Он даже не сразу заметил появление Ихара. Спохватился, когда увидел его отражение в хорошо помытом стекле.

– Господин Ихара, извините, я увлекся.

– Не переживай, ты просто делаешь свою работу.

К заведующему виварием Ихара испытывал определенную симпатию, тот все-таки не был «деревенщиной» и не являлся дальним родственником генерала. До того как оказаться в «Отряде 731» он, дипломированный ветеринар, закончивший университет в Вене, заведовал виварием в Харбинском медицинском институте. Но медицинский институт во время войны не лучшее место, чтобы мирно пересидеть лихие годы. Медиков пачками призывали в императорскую армию. И военных не интересовало, что человек специализируется на лабораторных крысах и мышах, при желании сможет лечить и лошадей. Вот ветеринар и перебрался в полувоенизированный секретный «отряд», где и платили, кстати, значительно больше, и паек был несравним с гражданским. Главным же превосходством над другими сотрудниками у заведующего было следующее – он, отучившийся в Вене, отлично знал немецкий язык. В его обязанности входило встречать и сопровождать гостей из Германии. А такие не были редкостью в «Отряде 731». Вот и завтра ему предстояло встретить такого гостя.

Ихара тоже принялся разглядывать крыс.

– Упитанные, – похвалил он.

– Стараюсь. Вы же видели одну из них. Я вам ее передал для опытов.

– Один экземпляр ничего не значит. Его можно откормить отдельно от других. Некоторые так и поступают, чтобы обмануть начальство. А ты честный работник. Зверьки у тебя в лучшем виде. Вот только тесно им стало. Но это ничего, скоро мы используем их по назначению. Сколько черных блох сможем вырастить на этой партии?

– Думаю, килограммов пятьдесят точно соберем. Сами видите, сколько в них жизненной силы.

– Министерство ставит перед нами задачу производства блох до ста килограммов в месяц, – напомнил Ихара. – А наш виварий – один из трех в «отряде». Думаю, можешь рассчитывать на премию.

– Благодарю вас, господин Ихара. – Время кормежки пришло, – заведующий виварием взглянул на часы. – Регулярное кормление и его разнообразие – залог здоровья любого живого существа.

Он поставил высокую стремянку и полез по ней, чтобы добраться до задвижки в стальной крышке куба с грызунами. Над задвижкой располагался бункер с кормом.

– Они прожорливые, господин Ихара. Могут съесть куда больше, чем требуется по рациональной норме. Потому и кормим их через небольшие промежутки времени. Так они лучше вес набирают. Если вовремя не покормить, начинают жрать друг друга. А тогда уже «материал» испорчен. Крыса, которая попробовала живую плоть, ничего другого есть не хочет, только своих сородичей, в крайнем случае сырое мясо употребляет. Даже если две крысы в клетке окажутся, одна другую непременно загрызет и съест. Вот такие вот дела. Растить крыс – это

целая наука. Не зря же у меня университетский диплом ветеринара. Ну, а потом блох на них разводить килограммами – это вообще высокое искусство, сравнимое разве что с поэзией и каллиграфией.

Заведующий виварием поднялся на последнюю ступеньку стремянки. Стоял на ней устойчиво – неудивительно, будешь лазить по пять раз в день на такую верхотуру, научишься держать равновесие не хуже циркового канатоходца. Крысы в предчувствии кормежки пришли в движение, они волной хлынули к тому месту, куда должен был посыпаться корм, лезли друг на друга, более сильные подминали под себя слабейших.

Ихара отошел в сторонку, залюбовался расторопным сотрудником, так пекущемся о вверенных ему крысах. Заведующий виварием потянул задвижку, отделявшую террариум от бункера с кормом, та не поддавалась, заклинило.

– Да что же это такое? Крысы же голодные останутся.

Те и в самом деле уже бесновались внизу, превратившись из отдельных особей в сильную серую волну. Заведующий виварием сильно дернул задвижку, та осталась на месте, а вот стремянка от такого резкого движения качнулась. Человек, стоявший на ней, взмахнул руками, чтобы удержать равновесие, но было уже поздно. Пару раз стремянка неторопливо меняла сторону наклона, а затем стала заваливаться – прямо на толстое стекло огромного террариума. Хрустнуло, зазвенели рассыпающиеся осколки. Изрезанные руки и лицо заведующего обгабрились кровью. Он вместе с лестницей рухнул прямо в кишашую массу крыс. Тут же вскочил, облепленный с ног до головы голодными прожорливыми зверьками, закрутился волчком по виварию, отчаянно закричал, стал сбрасывать с себя крыс, но на место сброшенных тут же находились новые желающие лизнуть кровь, выгрызть кусок плоти.

Несколько секунд коротышка Ихара смотрел на происходящее и не мог пошевелиться. Но, когда увидел стремительно двинувшуюся на него серую массу, сорвался с места и побежал. Оружий, почти ничего не видевший перед собой заведующий виварием бросился следом. Пару раз он падал, поскользнувшись на раздавленных крысах.

Ихара бежал так быстро, как никогда до этого в жизни. Мелькали над головой яркие электрические лампы, иероглифы, нанесенные на бетонные стены узкого коридора под трафарет черной краской. А следом за ним разливалась пищащая, жаждущая крови крысиная масса. Она была подобна волне. В спину били отчаянные вопли заведующего виварием.

Ихара добежал до высокого порога лаборатории. Тот был спроектирован таким образом, чтобы крысы не могли преодолеть его. Он представлял собой бетонный выступ около полуметра высотой, нависавший над полом в виде буквы «Г». Коротышка перевел дыхание, подумал, что спасся, только теперь он позволил себе обернуться. Заведующий виварием находился где-то в середине коридора, блестела на медицинском халате свежая кровь. Волна крыс достигла защитного порога, ударила в него. Но рассчитан-то он был на единичных сбежавших крыс, а тут их шла целая лавина. Задние напирали на передних, а тем было некуда деваться. Зверьки карабкались на спины своим собратьям. Ихара сообразил, что еще немного – и серая волна хлынет через порог. Как назло, никого рядом с ним не было. Оператор куда-то отошел. Сперва мелькнула шальная мысль спрятаться от крыс в барокамере, но та закрывалась только снаружи. Коротышка наконец-то сумел действовать логично. Он рванул к пожарному гидранту, раскатал брезентовый рукав и повернул вентиль. Брандспойт бился в его руках, тугая струя воды никак не хотела слушаться, била то в потолок, то в стены. Ихара уперся спиной в стальную колонну и сумел наконец-то направить воду, куда нужно – на крыс, которые уже преодолели защитный порог. Тугая струя моментально смела их назад в коридор, закрутила в водовороте, заставила отступать. Зверьков подбрасывало, швыряло на стены, тянуло по бетонному полу коридора.

– Получилось! – выкрикнул Ихара.

Ему даже хотелось крикнуть «банзай!», но коротышка не стал осквернять боевой клич в войне с лабораторными крысами. Теперь он уже перешел в наступление. Шел, сметая на своем пути крыс. Струя достала до заведующего виварием, тот уже лежал на полу и лишь слабо шевелился. Крыс смыло с него. Наконец-то подоспел и оператор с охранниками. Ихара передал брандспойт им, а сам склонился над заведующим. Тот был совсем плох, стучал зубами, лицо его оказалось сильно погрызено, не хватало половины одного уха и левой ноздри.

– Сделайте что-нибудь... – молил он, свертываясь в позу эмбриона.

Глава 5

Пострадавшего погрузили на каталку и повезли в больничный блок. Охранникам удалось загнать крыс назад в виварий и наглухо закрыть ведущую в коридор стальную дверь. Обессиленный, Ихара опустился на винтовой табурет возле барокамеры. Он тупо следил за тем, как работники вычерпывают ведрами воду из коридора вместе с дохлыми крысами и носят ее в туалет.

– Господин Ихара, – подошел к нему оператор. – Вас требует к себе его превосходительство генерал Иссии.

– Сейчас, только переоденусь.

Ихара сбросил мокрый халат, надел свежий. Вскоре он уже входил в просторный кабинет генерала.

– Простите, ваше превосходительство, – вздохнул Ихара. – Все предусмотреть невозможно. Последствия случившегося мои сотрудники ликвидируют в ближайшее время. Потери среди лабораторных животных невелики. Но они уже попробовали кровь, и их придется использовать для других опытов. Я предоставлю отчет...

Генерал, не мигая, смотрел на руководителя отдела, тот осекся, поняв, что говорит не то, что хочет от него услышать Иссии. В изящно обставленном кабинете повисла гнетущая тишина. Генерал поднялся из-за письменного стола, прошелся по мягкому ковру, заглянул в глаза Ихара.

– В императорской армии сейчас большой недобор медиков, – тихо произнес он. – Забирают даже преподавателей медицинских институтов. Работа в «Отряде 731» до поры до времени давала вам право избегать фронта. Но вы не представляете, с каким давлением мне приходится сталкиваться, чтобы отстоять своих сотрудников.

– Я очень благодарен вам за это, господин генерал.

– Поголовье крыс можно восстановить, хоть это и затормозит на какое-то время процесс производства черных блох.

– Мы выполним задание в срок.

– Не сомневаюсь. Но сейчас меня волнует другое. Как вы помните, к нам прибывает гость из Германии. И мы должны его встретить. Немцам есть чему у нас поучиться, но и их исследования представляют для империи большой интерес. Эта встреча помогла бы сократить время на дублирующие исследования. На вас была возложена обязанность найти переводчика.

– Заведующий виварием сильно пострадал от крыс. Он не сможет...

– Я не спрашиваю, сможет именно он или кто-то другой, – в голосе генерала появились железные нотки. – Я говорю о вашей обязанности.

– Думаю, в Токио можно быстро найти подходящего человека, знающего немецкий язык, имеющего медицинское образование.

– Я не стану лично искать его в Токио, переправлять в Харбин самолетом. Хватит того, что по вашей просьбе я обеспечил вашу лабораторию внеочередным, нигде не учтенным «бревном». В ваших же интересах, Ихара, найти подходящую кандидатуру.

* * *

Бетонный подвал, хоть и был просторным, но отсутствие окон угнетало. Было даже не понять, ночь на дворе или уже утро. Захваченные в тифозном квартале люди понемногу смирились со своим положением, больше они не пытались выяснить свою дальнейшую судьбу.

Жандарм за столом зорко следил за пленниками. Николай Галицкий дремал на лавке рядом с проститутками. Когда заскрежетала железная дверь, он вскинул голову.

– Всем встать! – громко скомандовал по-китайски жандарм.

Люди просыпались, поднимались с насиженных мест, шурились. В подвале появился жандарм-офицер. Он прошелся перед шеренгой пленников, вглядывался в лица, словно искал кого-то знакомого, затем удовлетворенно хмыкнул и устроился за письменным столом, открыл папку, положил перед собой чистый лист бумаги и авторучку. Жандарм стал подводить к столу людей по одному. Офицер практически безразличным голосом интересовался именем, фамилией, родом занятий, адресом, все ответы аккуратно записывал, затем спрашивал о здоровье.

Вскоре очередь дошла и до Галицкого. На лице у жандармского офицера наконец-то появилась хоть какая-то заинтересованность. Перед ним стоял не очередной житель бедного квартала в пригороде, а бывший офицер, медик, свободно общавшийся с ним по-японски. Записав ответы, офицер указал Николаю встать рядом с теми, кто уже прошел собеседование.

Через какое-то время вновь заскрежетала железная дверь, весь проем закрывал кузов все того же, на котором их привезли сюда, грузовика. Раздалась команда грузиться. Ехали по городу, потом вырвались на шоссе, это ощущалось по скорости, свисту ветра и хлопкам брезента. Дорога заняла около получаса. Людей высадили во внутреннем дворе большого здания, встречали их люди в белых халатах. Как знал Галицкий, вблизи от Харбина не было стационарных медучреждений. И городская больница, и военный госпиталь располагались в самом городе. В воздухе навязчиво пахло то ли сильно прокисшим бульоном, то ли протухшими костями. Двое японцев в белых халатах, ничего не объясняя, повели прибывших в здание. Внутри ярко горело электричество, стены укрывала белая плитка. В трубах, идущих под потолком, булькало, гудело. Здание отапливалось хорошо. Было даже жарко.

Прибывших мужчин и женщин построили в шеренгу, приказали раздеться догола. Одежду сразу же унесли. Один из медиков прошелся вдоль строя, придиричиво разглядывая тела, просил поднимать руки, смотрел под мышками. Спрашивал о перенесенных болезнях. Затем на короткое время словно забыл о стоявших нагишом, стал негромко переговариваться со своим коллегой. До слуха Галицкого пару раз долетело странное слово «бревна», причем оно явно относилось к прибывшим, и эти «бревна» следовало «правильно распределить», вот только «заявок было больше, чем бревен». Так и не решив, как точно распределить «бревна», люди в белых халатах загнали привезенных в душ. Горячая вода с хорошим напором лилась из раструбов.

Галицкому казалось, что он попал в какой-то заколдованный круг, из которого невозможно вырваться. Николай понимал, что находится на секретном объекте Квантунской армии, а это не сулило ничего хорошего.

Воду в душе перекрыли, людей вновь выгнали в просторное помещение, построили в шеренгу, сначала мужчин, потом женщин. Вольнонаемный шел вдоль строя, макал кисточку в тушь и выводил на груди у каждого порядковый номер. Счет начинался с «775». Галицкий машинально прикинул, что ему достанется номер «781», но тут в помещении появился коротышка в белом халате. Было видно, что он спешил оказаться здесь. К нему относились уважительно. Тихо перебросившись парой слов с «каллиграфом», Ихара сразу направился к Галицкому.

– Вы медик? – спросил он.

– Да, в прошлом я военный медик, меня уже спрашивали об этом.

– Хорошо, очень хорошо, – заулыбался Ихара. – Немецким языком владеете?

– Немного хуже, чем родным – русским.

– Переводчиком сможете побыть?

– Думаю, что – да.

– Тогда одевайтесь.

Ихара вывел Николая из шеренги.

– Во что одеваться? – Галицкий пожал плечами.

– Ах, да, вашу одежду уже унесли, – спохватился японец.

Вскоре Галицкий уже сидел в небольшом кабинете Ихара. Белый халат, который ему подыскали, был мал. Коротышка поил Галицкого чаем, торопливо рассказывал, зачем ему понадобился переводчик с немецкого на японский.

– Завтра к нам прибывает представитель медицинской службы вермахта. А мой штатный переводчик заболел... – Вы же служили на фронте, видели тяжелые ранения, трупы, так что вид ран, обморожений вас не должен смутить?

– Нет.

– И в «анатомическом театре» вам приходилось бывать. Так что при виде вскрытого тела в обморок не грохнетесь?

– Уверен, что нет.

Ихара еще подлил чаю.

– Переночуете сегодня в нашем «отряде», а завтра с утра мы поедем встречать немца на наш аэродром.

Прозвучало многообещающе. Оказывается, в этом странном заведении имелся еще и свой аэродром. Галицкий не стал рисковать, отнекиваться от предложения поработать какое-то время на японцев. С ними в Маньчжурии лучше было не ссориться.

Ихара лично отвел его в жилой поселок, находившийся на территории «отряда». Тут имелось что-то вроде ведомственной гостиницы с крошечными номерами. С Николая сняли мерку, принесли ему ужин и оставили в покое. Давно уже Галицкий не видел некоторых продуктов. Креветки, устрицы, колобки чистейшего риса, свежие овощи. В небольшом керамическом графинчике плескалось подогретое саке. Конечно же, Николай предпочел бы классическую, а не японскую водку, холодную, а не теплую, но выбора ему никто не предлагал. Выставив грязную посуду на тележку в коридоре, Галицкий погасил свет и устроился спать на узкой кровати, стараясь не думать о том, что поджидало его завтра.

* * *

Николая разбудил утром деликатный стук в дверь. В номер вошли двое японцев в форме вольнонаемных, принесли плащ, костюм, рубашку, галстук, белье и туфли. Все новое, уже идеально подогнанное на Галицкого. В бумажном пакетике оказались бритва, брусок душистого мыла, помазок и бритва.

– Господин Ихара заедет за вами через час, – сообщив это, вольнонаемные удалились.

Побритый, облачившийся в дорогой костюм, Галицкий выглядел так, словно собирался на дипломатический прием. Он ожидал Ихара, стоя на крыльце. Легковая машина камуфляжной раскраски показалась из-за поворота. Николай устроился на заднем сиденье. После приветствия коротышка, сидевший впереди, спросил:

– Курите? – и протянул еще не распечатанную пачку сигарет и коробок спичек.

– Не откажусь.

Когда Николай хотел вернуть пачку, Ихара тут же замахал на него руками.

– Берите себе.

Машина миновала тщательно охраняемый КПП и покатила степным проселком. Ехали недолго, километров пятнадцать. Впереди показались стоящие посреди степи ангары, выложенная металлическими перфорированными полосами взлетная полоса. Николай и не подозревал раньше о наличии здесь аэродрома. Вообще-то, он раньше не так часто выбирался из Харбина. Ну, что делать в пустынной степи? Весело трепетал полосатый матерчатый конус, указывая направление ветра. Солдат-сигнальщик с флажками неторопливо расхаживал у при-

земистого здания с маленькими окнами. Господин Ихара выбрался из машины. Утренний воздух был чист, морозен. Местами лежал снег. Новые кожаные туфли Галицкого приятно поскрипывали. Японец смотрел в небо.

– У вас большая практика в городе? – спросил он.

– Как когда, – уклончиво ответил Николай. – Раньше дела шли лучше. Когда война началась, у людей стало меньше денег.

Ихара хмыкнул, ведь сказанное Галицким как бы подразумевало, что война вскоре закончится и все вернется на свои места.

– Нам требуются образованные медики с большой практикой. Есть уникальная возможность проводить научные исследования. И деньги платят хорошие.

– Я бы предпочел практиковать самостоятельно. Помогу вам сегодня-завтра. Я человек консервативный.

– Я тоже так когда-то думал, – проговорил Ихара.

В небе раздался еле уловимый звук двигателей. Вскоре на горизонте показался двухмоторный гражданский самолет. Он шел невысоко, пронесся над головами, заложил вираж и, выровнявшись, опустился, замер после короткой пробежки. С откинутого трапа легко сбежал высокий мужчина в кожаном плаще. Вскинул руку в нацистском приветствии. Ихара сложил ладони у груди и слегка склонился.

– Доктор Ихара, – произнес немец, и Галицкий перевел его. – Я наслышан о ваших опытах в области выживания в экстремальных условиях. Достойная работа.

– Рад слышать это от вас, доктор Гросс. Знакомьтесь, наш переводчик Николай Галицкий.

– Русский? – удивленно вскинул брови немец, пожимая Николаю руку. – Вот уж не ожидал.

– Я и сам не ожидал, – признался поручик. Ко мне обратились только вчера вечером.

– Все, что ни происходит в этом мире, – к лучшему, – ухмыльнулся Гросс.

– Даже война? – не удержался и спросил Николай.

– Война в особенности. Она позволяет решить многие проблемы, на которые у политиков в мирное время не хватает решимости. Да и в медицине, особенно в хирургии, многие открытия совершаются в военное время. Появляется государственное финансирование, обилие человеческого материала.

В машине Гросс с Николаем устроились на заднем сиденье, Ихара рядом с водителем. Немец с некоей тоской во взгляде смотрел на ровную степь, простирающуюся по обе стороны от дороги.

– Пейзаж формирует психику нации, – проговорил немец. – Для кочевника невыносимо видеть вспаханную землю. Ведь она непригодна для выпаса скота. Для него это святотатство. Потому кочевники-монголы и сжигали во время набегов европейские города.

– Так продолжалось не очень долго, – возразил Николай. – Со временем в плен к монголам стали попадать образованные китайцы. Они-то и объяснили правителям кочевников, что куда выгоднее не разорять города и убивать их жителей, а просто обкладывать данью. Если сам не умеешь заниматься каким-то делом, то пусть его делает другой.

– Странная у вас мысль, но, кажется, верная, – похвалил Гросс. – Вы, как понимаю, воевали в прошлую войну?

– Довелось.

– Интересно было бы с вами поговорить об этом. Но в первую очередь работа.

– В первую очередь завтрак, – обернулся Ихара. – Я не знал, какую кухню вы предпочитаете. Поэтому приготовили и блюда европейской кухни, и традиционные японские.

– Давайте обойдемся без завтрака, господин Ихара. Я голоден и уже пил кофе. Освободим лишний час для работы.

– Не боитесь испортить себе аппетит?

– У меня крепкие нервы, и я не очень впечатлительный.

Впереди уже отливали в лучах утреннего солнца корпуса «Отряда 731». Гросс с уважением покачал головой.

– Построено с размахом.

– И оборудование самое лучшее, современное.

– Не сомневаюсь.

– Предлагаю начать знакомство с нашим «отрядом» с так называемой выставочной комнаты, – предложил Ихара.

– Вы хозяин, вам и решать, – согласился немец.

У Галицкого никто согласия и не спрашивал.

В кабинете господина Ихара все надели белые халаты, Гросс оставил свой багаж. Поскольку Галицкий не представлял себе, что и где находится, то дорогу показывал японец. Встречавшиеся в коридорах сотрудники «отряда» чуть заметно косились на Николая и немца, чувствовалось, что европейцев здесь видят нечасто.

– А вот и наша выставочная комната, – Ихара распахнул дверь и почему-то не пропустил впереди себя гостей, первым шагнул сам.

Лишь когда Галицкий переступил порог, он понял причину этого. Даже у него – фронтального медика, навидавшегося всяких видов, перехватило дыхание. Вдоль всех стен располагались крепкие стеллажи, заставленные стеклянными цилиндрами сантиметров сорок в диаметре и высотой сантиметров шестьдесят. В них в спирте, в формалине плавали отрезанные человеческие головы: китайцы, русские, монголы. Среди них были абсолютно целые, распиленные с обнажившимся мозгом, простреленные навылет. Казалось, все они смотрят на вошедших и беззвучно спрашивают: «Почему, зачем мы оказались здесь?» Имелись и головы с разложившимися лицами, так что даже понять, к какой расе они относятся, было невозможно. Гросс подошел к одному из цилиндров – череп был распилен вдоль канала огнестрельной раны, было отчетливо видно, как пуля изувечила мозг.

– Как вы сделали такой изумительный образец? – спросил Гросс.

– Распиловка замороженного трупа мелкозубчатой пилой позволяет получить идеальную картину. Вот, посмотрите на это, – Ихара повел рукой, указывая на еще один цилиндр.

В формалине плавал обрубок женского тела. В распиленной матке отчетливо прочитывался эмбрион. Срок беременности большой, было видно, что нерожденный ребенок – мальчик. В других цилиндрах плавали внутренности, отрезанные руки, ноги, в более мелких хранились отдельные органы: сердца, печень, почки.

– Эта комната у нас служит не только как выставочная, – продолжил Ихара. – Здесь наши медики готовят отчеты о своей работе.

Он указал за большой стол посреди комнаты, за которым что-то писали несколько мужчин в белых халатах. Среди них выделялся художник. Он, установив перед собой фотографию, что-то рисовал на большом листе бумаги кисточкой.

– Не будем ему мешать, – шепотом предупредил Ихара. – Но подойдем поближе и понаблюдаем. Уникальный специалист. Мы всегда стараемся фиксировать на фото и кинолентку состояние повреждений. Но снимки, во-первых, черно-белые, во-вторых, нечеткие. И вот я предложил привлечь художника. Он присутствует при вскрытиях, опытах, а потом по памяти с помощью фотографий восстанавливает клиническую картину в красках.

– Обморожение? – поинтересовался Гросс, глядя из-за спины художника.

Тот как раз выводил кисточкой гангренозные пятна на руке. Из-под клочьев плоти выглядывали обнажившиеся кости.

– Вы сразу поняли. А вот фотография, даже сделанная при хорошем освещении, могла бы ввести в заблуждение, и вы решили бы, что это ожог.

– Отличное решение проблемы. Надо будет подумать о чем-то подобном и в нашей лаборатории. Думаю, доктор Менделе одобрит подобное нововведение.

– Я знаком с его работами. Вот только мне кажется, что он слишком увлекся проблемой появления близнецов. Она интересна с точки зрения фундаментальной науки, но, когда работаешь по заказу военного министерства, больше внимания уделяешь практической пользе.

– Тут вы не правы, господин Ихара, – покачал головой немец. – Близнецы хороши тем, что вы можете наблюдать изменения у двух идентичных организмов, наблюдать и сравнивать.

– Откуда у вас столько европейцев? – спросил Галицкий, указывая на цилиндры.

– Это господин Гросс спрашивает или вы сами интересуетесь? – уточнил, прежде чем ответить, Ихара.

– Я интересуюсь.

– Это русские. Еще с Халхин-Гола. Ваши не забрали их с поля боя.

Николай понял, что ему нагло врут. Под Халхин-Голом советские войска вместе с монгольскими наступали. А потому просто не могли оставить своих убитых японцам. Но возражать Галицкий не спешил, ему как медику стало понятно, что здесь ставят эксперименты на живых людях. Он и раньше слышал о подобном, но особо не верил, считая такие рассказы частью городского фольклора. Теперь у него было лишь одно желание, поскорее закончить свою подневольную работу переводчика и вернуться домой, чтобы больше не вспоминать об услышанном и увиденном.

– Теперь я хочу предложить вам экскурсию в отдел вирусов. По дороге осмотрим большой лекционный зал, кинотеатр и столовую, – Ихара повел немецкого гостя дальше.

Он хвалил обустройство «отряда», рассказывал о том, что сотрудники, по военным меркам, питаются отлично. Чем ближе они подходили к низкому серому зданию, расположенному в стороне от других, тем сильнее становился запах гниющей плоти. Гросс даже стал прикрывать лицо носовым платком.

– Откуда такая вонь? – спросил он.

– Как вы успели заметить, у нас повсюду полная стерильность. А вонь – неизбежный спутник производства вирусов и бактерий.

Часовой сверился со списком и пропустил внутрь здания пришедших. В небольшой комнате Ихара надел сам и заставил надеть Гросса и Галицкого прорезиненные бахилы и накидки.

– Должен честно предупредить, что производство опасное, – сказал он. – Поэтому меры предосторожности лишними не будут.

Железная дверь открылась. Обширное помещение напоминало заводской цех. Ярко горели лампы. Почти половину площади занимал бассейн, наполненный до самых краев, по нему то и дело проходила автоматическая мешалка.

– В бассейне находится питательный бульон, приготовленный из агар-агара. Вон печи для его плавления, – пояснял Ихара. – Для ускорения процесса он подогревается паром, поэтому тут так жарко. Белая пена, которую вы видите наверху – это и есть субстанция, насыщенная вирусами.

– Можно узнать, какие именно? – Гросс всматривался в клокочущую субстанцию.

– Черная оспа, – буднично сообщил Ихара. – Их отлично переносят блохи. Кстати, – он подвел гостя к столику, на котором высилась горка яблок. – Берите, погрызите немного и сплевывайте в урны. Это тоже одна из мер предосторожности. Вирусы могут оседать на зубах при дыхании. Все наши сотрудники так поступают.

И Гросс, и Галицкий воспользовались советом. Пожевали сладкие яблоки и сплюнули в урну, куда был вставлен бумажный пакет.

– Впечатляет, – признался Гросс. – А как вы собираетесь распространять вирус?

Было видно, что немцу хоть и интересно, но он хотел бы поскорее покинуть страшное производство.

– Вернемся в кинотеатр, – прочувствовал его настроение Ихара.

В полутемном зале они сидели втроем, слабый свет лился из амбразуры проекционной. Застрекотал проектор, на экране высветились кадры хроники. Вольнонаемные закрепляли под крыльями самолета контейнеры. Ихара давал пояснения.

– В контейнерах находятся блохи, зараженные вирусом...

Самолет разбежался по полосе и взмыл в небо. Далее изображение уже пошло от камеры, установленной на хвостовом оперении.

– Самолет летит над полигоном, – комментировал Ихара. – Высота небольшая, если подняться выше, то блохи могут погибнуть от холода. Смотрите, контейнер открывается...

На экране возле крыла возникло и растворилось в воздухе темное облачко.

– Распыление прошло успешно.

Самолет сел на землю, его обмыли из распылителей, экипаж вышел.

– И вот результат. Съемки на полигоне проводили через три дня.

На экране появились мертвые животные. Лошадь, корова, овца, верблюд. Все они были привязаны к вбитым в землю колышкам, а потому и не могли покинуть полигон. Проектор погас, в зале вспыхнул свет.

Ихара просто светился от счастья.

– Теперь вы понимаете, что нам не страшны советские дивизии, стоящие в Монголии. Всего несколько рейсов – и вся живая сила противника просто вымрет. А нам достанутся неповрежденная техника и боеприпасы. Бактерии и вирусы также можно сливать в реки, которые текут на территорию противника.

Гросс задумчиво смотрел на погасший экран, затем повернулся к Галицкому.

– Согласитесь, нравы войны сильно изменились с четырнадцатого года.

Николай сдержанно кивнул. Он понимал, что узнал много лишнего, того, что, возможно, знают даже не все сотрудники «отряда». Но пока Ихара выглядел вполне добродушно, и Галицкий не терял надежды в ближайшее время оказаться у себя дома.

– Продолжим знакомство с нашим хозяйством, я даже продемонстрирую некоторое оборудование в действии.

Ихара очень горделиво показал огромную холодильную камеру.

– Раньше мы могли проводить опыты по последствию обморожения лишь в зимнее время. Теперь же получили возможность делать это их круглый год. Мощные компрессоры позволяют понижать температуру да минус сорока градусов по Цельсию.

Гросс не стал уточнять, на каких подопытных животных проводятся опыты. Скорее всего и Ихара, и немец прекрасно понимали в некоторых вопросах друг друга без слов.

– Мои лаборатории специализируются на проблемах выживания в экстремальных условиях, – рассказывал Ихара. – В частности, мы занимаемся исследованиями влияния на живые организмы пониженного давления.

Ихара пропустил Гросса и Галицкого в помещение с барокамерой. Оператор поднялся со своего места и опустил голову в церемониальном поклоне.

– При помощи барокамеры мы моделируем попадание самолета в верхние слои атмосферы, – проговорил он.

– Вам повезло, сегодня как раз есть возможность увидеть все в действии, – улыбнулся Ихара.

Оператор отворил железную дверцу в стене. Двое вольнонаемных выкатили из нее рельсовую тележку, на которой лежал привязанный к носилкам китаец. Рот его был залеплен пластырем. Несчастный извивался, пытался что-то сказать.

– Не переживайте из-за него так, – Ихара покосился на Галицкого, который отвел взгляд. – Это преступник, приговоренный к смертной казни. По договоренности с властями Маньчжоу-Го они передают нам смертников. Хотя какая-то польза от этого негодяя.

– А что он совершил? – спросил Николай.

– Я не знаю. Разве это что-то изменит?

Вольнонаемные поставили носилки в барокамеру, закрыли люк, установили перед иллюминатором кинокамеру, застрекотал моторчик. Оператор смотрел на Ихару, тот дал отмашку. Загудел компрессор, выкачивая воздух. Стрелка манометра медленно поползла влево.

– Задержи понижение давления, – распорядился Ихара, заглядывая в иллюминатор. – Посмотрите, сейчас начинаются необратимые процессы. Особенно заметно это на лице. Лопаются капиллярные сосуды, глаза выпучиваются. Снижайте давление.

Голова у китайца стала раздуваться. Раздувалось и тело. Ихара недовольно морщился, чистота эксперимента оказалась нарушена. Веревки, которыми был привязан несчастный к носилкам, врезались в плоть, из-под них уже сочилась кровь.

Голова, раздувшаяся, как футбольный мяч, взорвалась, брызнув кровью. Галицкий, выдавший всякое, пошатнулся, но все же устоял на ногах. Немец брезгливо кусал нижнюю губу. На этот раз он не произнес своего любимого слова «впечатляет».

Затем Ихара еще демонстрировал клетки с крысами, колбы с черными блохами. «Экскурсия» подходила к концу.

– Нас ждут в столовой, – ближе к вечеру напомнил Ихара.

– Спасибо, но я не голоден, – ответил Гросс.

– Я тоже, – негромко проговорил Галицкий после того, как перевел ответ немца.

Глава 6

Глядя на китайца или японца, европейцу трудно понять, что у них творится в голове. Даже Николай, долго проживший в Маньчжурии, не мог с уверенностью сказать, какие планы у Ихара на будущее – его, Николая, будущее. А потому сам решил спросить об этом напрямую.

– Господин Ихара, как долго вам еще потребуется моя помощь?

– Наш гость завтра днем улетает в Токио. Тогда и поговорим о дальнейшем.

Это прозвучало предостережением. Дальнейшее могло означать работу в «отряде». А Галицкому даже думать об этом не хотелось. Он и так еле сдерживался, испытывая к Ихара прямо-таки звериную ненависть. Даже если китаец, взорвавшийся в барокамере, и был преступником, осужденным на смерть, то медик не мог выступать в роли палача.

Когда удалось улучшить минутку, оставшийся один на один с Гроссом Николай напомнил гостю:

– Вы хотели поговорить со мной о прошлой войне.

– О, да.

– Думаю, лучше всего сделать это у меня дома. Я приглашаю вас. У меня есть неплохие запасы спиртного. После увиденного у меня есть только одно желание – напиться.

– Солидарен, – согласился Гросс. – В моем багаже тоже кое-что припасено.

– Тогда попросите господина Ихара об этом. Вам как гостю он не откажет.

Ихара заметно расстроился, когда немец сказал, что хотел бы побывать в гостях у Галицкого, но все же не стал настаивать, чтобы тот остался в гостинице «отряда».

– Я дам вам машину с шофером, – предложил он.

Выезжали из «отряда», когда уже начинало темнеть. На шоссе Галицкий обернулся. Следом за ними катил еще один автомобиль. Впрочем, этого и следовало ожидать. Ихара не рискнул бы отпускать немца без надежной охраны.

– Как вам сегодняшний день? – устало спросил Гросс.

– Я хотел бы вообще стереть его из памяти, – признался Галицкий.

– Я вас в чем-то понимаю. Но такие опыты нужны, – принялся рассуждать немец. – Исследовать действие лекарств или изучать человеческие болезни на лабораторных животных неправильно. И, если есть возможность работать с людьми, нельзя ее упускать. Только так можно быстро достигнуть результата.

Николай принялся доказывать, что опыты над людьми проводить нельзя, даже если те преступники.

– Я сомневаюсь, что Ихара сказал нам правду. и тот китаец был приговорен к смертной казни, – проговорил Гросс.

Машина остановилась возле дома, где жил Галицкий. Второй автомобиль проехал чуть дальше, из него никто не вышел. Водитель-вольнонаемный сказал, что будет ждать в машине, и передал немцу упакованные в бумажные пакеты продукты. Только сейчас Николай вспомнил, что у него нет ключей, ему ничего из вещей так и не вернули.

Окно в квартире Маши горело, пришлось постучать.

– Николай Васильевич! – обрадовалась девушка. – Я так волновалась. Куда вы пропали?

– Как-нибудь расскажу. Мне ключи нужны. Что-нибудь о Дурове известно?

– Он в городской больнице. Это все, что я про него знаю.

Маше хотелось расспросить Галицкого, но тот был не один. Поэтому она только шепнула, что еще нескоро ляжет спать. Мол, если Николай захочет, может зайти к ней на чай позже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.